

13. Ledjaev V.G. Vlast': konceptual'nyj analiz. Moskva: Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2001. 384 p.
14. Marej A.V. Avtoritet, ili Podčhinenie bez nasilija. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2017. 148 p.
15. Parsons T. O ponjatii «politicheskaja vlast'». Antologija mirovoj politicheskoi mysli: V 4 t. Moskva: «Mysl'», 1997. Vol.II. P. 479–486.
16. Sytin A.G. Vlast'. Filosofija politiki i prava. 100 osnovnyh ponjatij. Slovar': Uchebnoe posobie. Pushkino: Centr strategičeskoi konjunktury, 2014. P. 23–25.
17. Dahl R. The Concept of Power. Behavioral Science. 1957. № 2. P. 201–215.
18. Stewart A. Theories of power and domination: the politics of empowerment in late modernity. London: Thousand Oaks, California: SAGE, 2001. 270 p.
19. Uphoff N. Distinguishing among power, authority and legitimacy: Taking Max Weber at his word using resource – exchange analysis. Polity. 1989. № 22(2). P. 295–322.
20. Perspectives on power: an inter-disciplinary approach / Ed. by H.M. Morgan, J.L. Černič, L. Milligan. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Pub., 2010. 397 p.

П.И. НОВГОРОДЦЕВ И И.А. ИЛЬИН О РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (ОБЩИЕ И ОСОБЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ)

Ильин Алексей Александрович, аспирант
Московский государственный университетим. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 2
E-mail: korablevrr@mail.ru.

В данной статье автор анализирует политические идеи П.И. Новгородцева и И.А. Ильина на раннем и позднем творческом этапе. Дело в том, что на раннем этапе политические мысли учителя и ученика были направленные на поддержание революции. Поздние – опровергали её. Автор пытается определить причину такой идеологической изменчивости. Рассматривает автор политическую борьбу и идеологию ученых до и после 1917 г. Эти вопросы, в эпоху глобальных общественно-политических трансформаций оказываются ключевыми, считает автор. А опыт, оставленный в творческом наследии ученых, позволяет еще раз взглянуть и оценить революционные события от февраля к октябрю с позиции учителя (П.И. Новгородцева) и ученика (И.А. Ильина). Так как до революции ученые лишь философствовали об общих государственно-политических аспектах (не касаясь России). А накануне и в моментхода революционной перипетии переключились на общероссийские проблемы.

Ключевые слова: П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, революция, большевизм, патриотизм, предательство, монархия, временное правительство

P.I. NOVGORODTSEV AND I.A. ILYIN ABOUT THE REVOLUTION OF 1917 (GENERAL AND SPECIAL POLITICAL MOMENTS)

Ilyin Alexey A., postgraduate student
Lomonosov Moscow State University
2 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: korablevrr@mail.ru

In this article, the author analyzes the political ideas of P.I. Novgorod-rodtssev and I.A. Ilyin at an early and late creative stage. The point is that at an early stage, the political thoughts of the teacher and student were directed toward supporting the revolution. Later – they denied it. The author tries to determine the cause of such ideological variability. The author considers the political struggle and the ideology of scientists before and after 1917. These issues, in the era of global socio-political transformations, turn out to be key. And the experience left in the creative heritage of scientists allows us once more to look at and evaluate the revolutionary events from February to October from the position of the teacher (PI Novgorodtsev) and the student (IA Il'in). Since before the revolution, scientists only philosophized about general state-political aspects. And on the eve and at the time of the revolutionary peri-ceti, they switched to all-Russian problems.

Keywords: P.I. Novgorodtsev, I. A. Il'in, teacher, student, liberal, conservative, revolution, consequences, patriotism, betrayal

Люди, выдвигающие политические взгляды, идущие в разрез с господствующими – часто становятся государственными врагами политической элиты. Дабы удержать власть в своих руках, политическая элита притесняет таких людей, преследует, уничтожает. Как пример – жизнь П.И. Новгородцева и И.А. Ильина. Задача данной работы состоит в эволюционном исследовании политических взглядов ученых (П.И. Новгородцева и И.А. Ильина). В качестве научной гипотезы автор выдвигает – заимствование И.А. Ильиным политических идей П.И. Новгородцева. Актуальность работы автор определяет в раскрытии механизма развития революционного кризиса в России, в отраженном наследии П.И. Новгородцева и И.А. Ильина. В данной статье автор использует метод сравнительного анализа. Опираясь на работы современных ученых (Гулыга А.В., Филиппова Т.А., Томсинов В.А., Менделеев А.Г.) автор пытается выяснить в каком виде предстали Новгородцев и Ильин для России. И чем для них обернулись их же политические взгляды на революцию 1917 г.

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) – профессор Московского университета, учитель Ивана Александровича Ильина (1883–1954)» [см.: 18–19]. Одна школа, одна учебная программа, но за Новгородцевым закрепились либеральная позиция во взглядах: «Русский либерализм, однако, нашёл в лице Павла Ивановича своего талантливой выразителя и основоположника» [14, с. 253]. За Ильиным – консервативная: «Сколько бы ни было вам трудно в жизни и тяжело на душе – вам беззаветно любящим Россию – верьте: победит правое дело!» [5, с. 233]. Новгородцев и Ильин ратовали за наличие закона во благо интересов большинства и за представительный орган от народа (Дума), пытались найти общественный идеал. На ранних этапах своих политических убеждений П. И. Новгородцев настаивал на следующем: «Россия должна быть конституционной и парламентской монархией» [9, с. 3]. Впрочем, как утверждают исследователи, ранние мысли Новгородцева серьезно отличаются от поздних: «в ранний период его построения относились ко всему человечеству (в этот период в его теории преобладали кантовские идеи), то после 1917 г. он, как Ильин, занялся разработкой проекта нового общества только для России. Именно в этот период его идеи приобретают националистическую и православную направленность» [17, с. 79].

Как полагает автор, на эти размышления ученых подтолкнул кризисный период начала XX века: «тяжелая и неудачная для страны русско-японская война, русская революция 1905–1907 гг., затем Российская империя вступила в Первую мировую войну, и, наконец, пережила две революции – февральскую и октябрьскую 1917 г., после чего началась Гражданская война. Неудивительно, что вереница общественных катаклизмов первой трети XX в. породила интеллектуальные факторы, определившие стремление российской интеллигенции построить модель совершенного общества, которая представлялась ими как предел окончания и разрешения кризисной ситуации» [17, с. 79].

Павел Новгородцев и Иван Ильин считали, что разрешить кризис и повлиять на беззаконие и безвластие может только народная активность. Но деревенские работники активность не проявляли, это объясняется народной безграмотностью. Вопросы правового и политического разъяснения тогда легли на плечи интеллигенции, к которой мы и относим Новгородцева с Ильиным.

Как отмечает автор, у Новгородцева с Ильиным был идеологический тандем. То, что ученые мыслили в одном направлении подтверждает и сам Ильин в некрологе своему учителю – Новгородцеву: «Я вспоминаю наши беседы в течение зимы 1917–1918 года. Мы думали об одном и том же: мы видели спасение в одном и том же: духовно вглубь и вперед, политически направо, социально налево...» [4, с. 253].

Эта идеальная концепция, по мнению ученых, которая так и не нашла воплощения. Всё, что наблюдали учёные – это конец «здорового смысла». Вот как Новгородцев охарактеризовал революционные события: «Во время революции произошло крушение идеи народовластия. Этот исторический период продемонстрировал полное отсутствие политической культуры: оказалось, что не только народные массы проявили себя "бессознательными и тёмными", но и "культурные силы, призванные

к организации народовластия, обнаружили свою политическую незрелость и свою неспособность к власти и управлению"» [12, с. 430].

Те события Павел Иванович переживал как личную трагедию, он пропустил крах России через себя. О его чувствах и переживаниях той поры Ильин напишет так: «В эти тягостные, постыдные месяцы семнадцатого года он был весь – зоркость, тревога, отвращение. Он один из первых понял обречённость этого безволия, этой сентиментальности, этого сочетания интернационального авантюризма с исторической мечтательностью» [8, с. 293].

Павел Иванович, подобно провидцу, находясь уже за пределами России, даёт прогноз будущей судьбы России, и, как сегодня можно видеть, его прогноз сбывается: «Нередко думают, что провозглашение всяких свобод и всеобщего избирательного права имеет само по себе некоторую чудесную силу направлять жизнь на новые пути. На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причём в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма» [11, с. 95].

Новгородцев не останавливался и продолжал выражать свою точку зрения относительно положения дел в России того периода и критиковать большевистскую власть. Надеясь на то, что он все же будет востребован среди политической элиты и вернется в Россию: «Новгородцев и представители его школы, как и многие русские эмигранты в 1920-е гг., не только верили в то, что красный режим в России долго не продержится, но и полагали, что скоро России понадобится новый проект общественного устройства и их деятельность в качестве идеологов станет востребованной» [17, с. 84].

Жил этими надеждами и Новгородцев, а особую веру в него вселял и тот факт, что ему несколько раз предлагало сотрудничество Временное правительство: «Он неоднократно получал приглашения войти в состав Временного правительства, но всякий раз от них решительно отказывался» [14, с. 255]. Не исключено, что он ожидал более выгодного предложения, которое так и не поступило.

Другой вектор развития нашли и идеологические убеждения Ивана Ильина. Стучилось это после революции. До февральских событий 1917 г. он поддерживал революцию: «Ему казалось, что онанесёт в себе предпосылки благотворного обновления русского общества. Он поддерживал Временное правительство и выступал за созыв Учредительного собрания для оформления нового государственного устройства» [15, с. 59]. Ильин не переставал утверждать, что «русская революция 1917 года была с самого начала революцией во имя порядка» [4, с. 91]. Но позже он признаётся, что сильно ошибался. И эту ошибку он осознал после разговора с П.Б. Струве. Ильин спросил: «нашла ли следственная комиссия Временного правительства то, что можно было считать изменой. "Нет, ничего, решительно ничего". Ильин продолжил: "На каком же основании Милюков произносил свою пресловутую речь в Думе 1 ноября 1916 года "Глупость или измена"? Ведь этой речи многие поверили в стране и подозрение в измене пало на Царскую семью?" Ответ: "Видите ли... – замаялся Пётр Бернгардович, – у него тоже не было никаких оснований... Но в то время центральный комитет К[онституционно-]Д[емократической] партии считал, что в настоящий момент против Царской семьи политически показывается инсинуация» [2, с. 328].

Эта беседа еще раз доказала Ильину, что верить людям нельзя. Эту горечь Ильин выскажет в статье «Чего ждать?», которая вышла в свет в октябре 1917 г. В ней говорилось: «Отпадение старой власти создало в революционных кругах уверенность, что властвовать от лица государства уполномочен всякий, кто захочет. Полномочие править и повелевать стало рассматриваться как бесхозная вещь, которая может принадлежать всем и каждому, первому, кто её подберёт и захватит» [4, с. 185].

Впрочем, одуматься и воздержаться от громких высказываний большевистское правительство предлагало и Ильину. Он шесть раз подвергался аресту, но всякий раз за недостатком улик его отпускали. В надежде сломить Ивана Александровича большевистское правительство приговаривает Ильина к смертной казни. Но и тут,

находясь на волоске от смерти, Ильин не сдаётся. Вот фрагмент из протокола допроса: «Вопрос: Скажите, гр-н Ильин, Ваши взгляды на структуру Советской власти и на систему пролетарского государства. Ответ: Считаю Советскую власть исторически неизбежным оформлением великого общественно-духовного недуга, назревшего в России в течение нескольких сот лет. Вопрос: Ваши взгляды на задачи интеллигенции и так называемой общественности. Ответ: Задача интеллигенции воспитать в себе новое мировоззрение и правосознание и научить ему других; задача старой русской общественности – понять свою несостоятельность и начать быть по-новому. Вопрос: Скажите, Ваши взгляды на политику Советской власти в области высшей школы и отношение к реформе её. Ответ: Высшая школа прошла при Советской власти целый ряд реформ; боюсь, что в результате этих сломов от высшей школы останется одно название. На высшее учебное заведение Советская власть смотрела всё время не как на научную лабораторию, а как на политического врага» [6, с. 25].

Но даже такие ответы смягчили наказание Ильину: «"Постановлением" Коллегии ОГПУ его приговаривают к смертной казни, потом заменяют её высылкой; постановлением Президиума ВЦИК лишают гражданства, конфискуют всё имущество и, вместе с другими русскими мыслителями, 26 сентября 1922 г. депортируют на пароходе "Обер-бургомистр Хакен" из России в Германию» [16, с. 8].

Перед вступлением приговора в силу в камеру к Ильину пришёл неизвестный мужчина и начал с ним разговор: «Вы, – говорил он, – конченный человек; вы неизбежно оторвётесь от России и погибнете... Что вы без родины? Что можете без нее сказать? Уж через несколько месяцев вы не будете понимать того, что здесь совершается, а через год вы будете совсем чужды России и не нужны ей... Иссякнут ваши духовные родинки... И вы станете несчастным, беспомощным, изверженным эмигрантом». [6, с. 26] На что Ильин ответил следующее: «Мы, русские, мы, белые, все мы вынужденно оторвавшиеся от нашей родной земли, – мы не оторвались от нашей родины и, слава Богу, никогда не сможем оторваться от неё» [6, с. 27].

Такой визит и диалог можно расценить как ещё один шанс на спасение Ильина, но Иван Александрович его не использует. Несмотря на отказ пересмотреть свои позиции смертельный приговор Ильину меняют на высылку из России.

По мнению автора, это могло быть возможным только благодаря заинтересованности в Иване Ильине политических лидеров того времени. Подтверждая свои слова, автор приводит цитату философа А. В. Гулыги: «Есть сведения, что в 1920 году при очередном аресте Ильина в его дело вмешался Ленин и распорядился не применять к нему репрессивных мер» [1, с. 226]. Автор не исключает, что и в этот раз за Ильина кто-то заступился. Впрочем, особые отношения Ильина и Ленина прослеживаются на раннем этапе творчества Ильина. «Первая опубликованная работа Ивана Александровича Ильина – рецензия на книгу, как ему могло тогда показаться, его однофамильца Вл. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм». Автором книги был вождь российской социал-демократии Ульянов, вошедший в историю под другим псевдонимом – Ленин. Рецензия появилась в газете «Русские ведомости» 29 сентября 1909 года, была лапидарной и резко критической. Заканчивалась она следующим пассажем: «Нельзя не обратить внимание на тот удивительный тон, которым написано все сочинение; литературная развязность и некорректность доходят здесь поистине до геркулесовых столбов и иногда переходят в прямое издевательство над самыми элементарными требованиями приличия: словечки вроде “прихвостни” (36), “безмозглый” (41), “безбожно переврал” (71), “лакей” (254) попадают буквально по несколько раз на странице, а превращение фамилий своих противников в нарицательные клички является далеко не худшим приемом в полемике г. Вл. Ильина» [1, с. 225].

Сейчас трудно сказать, помнил ли Ленин ту работу Ильина, когда заступался за него, или быть может Ленину в Ильине импонировало что-то еще, например книга Ивана Александровича Ильина: «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». А.В. Гулыга считает: «Эта книга помогала Ильину в контактах с ЧК: у чекистов рука чесалась расстрелять профессора, но, зная философские симпатии

своего вождя, они не решались убить автора единственной в советской России книги о Гегеле» [1, с. 226].

Спустя годы, когда Новгородцев с Ильиным будут жить уже за пределами России они продолжат размышлять об одном из главных событий России – революции. Уже в Праге, Павел Иванович пишет работу – «Восстановление святынь» (опубликована после смерти в 1926 г.). В ней он сопоставляет различные точки зрения на события революционного времени, и ещё раз убеждается в своей правоте. Виновным в революции Павел Иванович называет Временное правительство: «В основу своего управления оно полагало "добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти". Оно не хотело применять "старых насильственных приёмов управления", не хотело "насилия и принуждения", говоря короче, не хотело неизбежных средств государства и права... Революция отдавалась на произвол стихийных сил, для которых впоследствии было найдено украшающее наименование "правотворчества снизу"» [10, с. 427].

По мнению Павла Ивановича – это была «не столько демократия, сколько узаконенная анархия» [10, с. 427]. С этим, нельзя согласиться, потому что большевики довольно быстро ликвидировали анархию и жёстко взяли власть в свои руки.

Не молчал и Ильин, он высказывал мысли, очень схожие с мыслями Новгородцева, только они были куда красноречивее: «Мы не погибли ещё; мы на земле, и под ногами у нас твёрдая почва. Мы ещё живы, мы имеем волю, у нас есть ещё силы и любовь к родине. Выход в том, чтобы создать единение во имя родины и свободы, создать патриотическое единовластие и полновластие. И для этого, прежде всего, всех разбудить, всех, кто ещё бормочет и вскрикивает в кошмаре. Всем показать правду, всех убедить в неумолимой и трезвой действительности и в её роковых невозможностях» [4, с. 188].

Весь обман революции и человеческое предательство, в результате которого погибли люди, не могло пройти мимо Ивана Александровича. Он разделял горе с семьями погибших, причём среди ушедших были молодые люди, которые только начинали жить. Их память Иван Ильин почтил в статье «Ушедшим победителям» (1917): «Россия должна быть свободна от ига и будет свободна от него; от всякого ига; ибо русские предатели не лучше иноземцев и толпа не лучше тирана. Вы поняли это, и вы были правы. Вы, не колеблясь, поставили чувство собственного достоинства выше жизни; родину – выше класса; право – выше силы; свободу – выше смерти. Вы сумели узнать врага народа, укрывшегося за личиной демократа, и врага России, принявшего облик революционера. Вами двигало чувство национальной чести и верное государственное понимание. Вас вдохновляла любовь к родине. Знайте же: вы были глашатаями нового русского правосознания и Россия пойдёт за вашим зовом. В вашем лице русский народ воистину сложил с себя рабское звание и утвердил свою гражданскую свободу. На этих основах, и только на них, возродится истинная мощь нашей чудесной и несчастной родины, создастся её духовный расцвет» [4, с. 194–195].

Рассматривая фигуры Новгородцева и Ильина можно сделать разные выводы: для большевиков они были не просто предателями, а врагами. Для России же – они не только честные и порядочные люди, но еще и народными заступниками. Они смогли признать свою идеологическую ошибку накануне революции и всячески её исправляли. Вот как Иван Ильин объясняет своё заблуждение и заблуждение своих единомышленников относительно ранних политических идей и высказываний: «Об этой своей вине люди говорили редко и неохотно, но чувствовали её все, все, для кого революция не была "достижением" и "праздником". Чего-то недоделали, недолюбили, недоумели; чего-то недооценили; что-то выдали, не отстояли, предали; чему-то попустили; в чём-то заблуждались... И вот – последствия. Сквозь все личные тревоги, заботы и опасности, на всех неискражённых лицах, во всех неожиданных и неизолгавшихся глазах – читалось это сознание своей вины; иногда даже у меньшевиков и эсеров... И это чувство вины одних вело в белые ряды, других приковывало к месту: наше дело, наша беда, наша вина, нам и расхлёбывать» [2, с. 330–332].

Это утверждение подчёркивают личность и характер Ивана Александровича Ильина – патриота, юриста и философа. Оношибся в ранней молодости и видел за революцией будущее, но впоследствииискренне покаялся: «Мне 65 лет, я подвожу итоги и пишу книгу за книгой. Часть их я напечатал уже по-немецки, но с тем, чтобы претворить написанное по-русски. Ныне пишу только по-русски. Пишу и откладываю – одну книгу за другой и даю их читать моим друзьям и единомышленникам... И мое единственное утешение – вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь сбережет их от гибели, а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России» [7, с. 420].

Жизнь во имя спасения России отдал и Павел Новгородцев. Находясь в другой стране, где совершенно другие традиции, культура, отношение к России Новгородцев продолжал смотреть на жизнь русскими мерками. «Русские эмигранты с 1920-х гг. создали «Россию в изгнании», российское общество вне России, пытаясь сохранить в нем социальные институты уже не существующей империи. Такую позицию можно считать формой ретретизма, созданием замкнутой эмигрантской субкультуры внутри социальной системы той страны, где функционировал русский анклав. Доказательством тому является открытие русских университетов, где готовили кадры для будущей России, но не для того государства, где росло молодое поколение потомков эмигрантов» [17, с. 86].

Анализируя политические взгляды Новгородцева и Ильина автор приходит к следующему выводу: несмотря на разницу в возрасте у правоведов прослеживается общий вектор мышления на протяжении всей их жизни. Это возможно потому, что Новгородцев оказывал на Ильина сильное влияние, как учитель на ученика, а И.А. Ильин всячески старался подражать учителю. Общая научная школа отразилась и на поздних взглядах И.А. Ильина. Через собственные книги и лекции, они пытались объяснить суть политического утопизма рожденного революцией. И что самое интересное, у них хватило мужества признать идеологическую ошибку относительно их дореволюционных взглядов.

Список литературы

1. Гулыга А. В. Творцы русской идеи. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 316
2. Ильин И. А. Очерки внутренней России // Ильин И.А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 2001 с. 560.
3. Ильин И. А. Собрание сочинений. Письма, Мемуары. (1939–1954)/ Ильин И.А., [Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; ред. Т. И. Киреева]. – М. : Русская книга, 1999. – 505 с.
4. Ильин И.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9-10 / Сост. и ком-мент. Ю.Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 1999. – 512 с.
5. Ильин И. А. Родина и мы. Статьи. – Смоленск : Посох, 1995. – 512 с.
6. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и ком-мент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1993. – 400 с.
- 7.Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 2 Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы Худож. Л. Ф. Шканов. – М. : Русская книга, 1993. 480 с.
8. Ильин И. А. Памяти П.И Новгородцева// Русская мысль. Берлин, 1924. № IX – XII.
9. Менделеев А.Г. «Роковая, родная страна..»: Кадетская газета «Речь» и её люди. 1906-1917 гг. – М. : Изд-во РАГС, 2006. – 292 с.
- 10.Новгородцев П. И. Восстановление святынь // Новгородцев П.И. Сочинения. М., Раритет, 1995 с.446
11. Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Новгородцев П.И. Сочинения. М., Раритет. 1995. С. 446
12. Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 446.
13. Новгородцев П. И. Современные отзвуки славянофильства // Вопросы жизни. М., 1905. С. 356.
14. Протоколы заграничной группы Конституционно-демократической партии, 1923-1933: В 6 т. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 6. Кн. 2. С.502
15. Томсинов В. А. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. – 192 с.

16. Филиппова Т.А. Иван Александрович Ильин // Ильин И.А. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5–43.

17. Царьков П. Е. Особенности формирования сообщества русских эмигрантов на примере научной школы П.И. Новгородцева. Локус. Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова Серия «История и политология». – № 2. – 2016. – С. 79–89.

18. История отечественной элитологической мысли. Энциклопедический словарь. 2-е издание, исправленное и дополненное / под ред. проф. А.Ю. Шутова, П.Л. Карабущенко, А.В. Понделкова. – Ростов-н/Д. : Издательство ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ, 2016. – 576с.

19. Элитология культуры: российская культурная элита XX века. Энциклопедический словарь / Под редакцией проф. П.Л. Карабущенко. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2017. – 412 с.

References

1. Гулыга А. В. Творцы русской идеи. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 316
2. Ильин И. А. Очерки внутренней России // Ильин И.А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 2001 с. 560.
3. Ильин И. А. Собрание сочинений. Письма, Мемуары. (1939–1954)/ Ильин И.А., [Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; ред. Т. И. Киреева]. – М. : Русская книга, 1999. – 505 с.
4. Ильин И.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9-10 / Сост. и ком-мент. Ю.Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 1999. – 512 с.
5. Ильин И. А. Родина и мы. Статьи. – Смоленск : Посох, 1995. – 512 с.
6. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и ком-мент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1993. – 400 с.
7. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 2 Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы Худож. Л. Ф. Шканов. – М. : Русская книга, 1993. 480 с.
8. Ильин И. А. Памяти П.И Новгородцева// Русская мысль. Берлин, 1924. № IX – XII.
9. Менделеев А.Г. «Роковая, родная страна...»: Кадетская газета «Речь» и её люди. 1906-1917 гг. – М. : Изд-во РАГС, 2006. – 292 с.
10. Новгородцев П. И. Восстановление святынь // Новгородцев П.И. Сочинения. М., Раритет, 1995 с.446
11. Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Новгородцев П.И. Сочинения. М., Раритет. 1995. С. 446
12. Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 446.
13. Новгородцев П. И. Современные отзвуки славянофильства // Вопросы жизни. М., 1905. С. 356.
14. Протоколы заграничной группы Конституционно-демократической партии, 1923-1933: В 6 т. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 6. Кн. 2. С.502
15. Гомсинов В. А. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. – 192 с.
16. Филиппова Т.А. Иван Александрович Ильин // Ильин И.А. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5–43.
17. Царьков П. Е. Особенности формирования сообщества русских эмигрантов на примере научной школы П.И. Новгородцева. Локус. Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова Серия «История и политология». – № 2. – 2016. – С. 79–89.
18. История отечественной элитологической мысли. Энциклопедический словарь. 2-е издание, исправленное и дополненное / под ред. проф. А.Ю. Шутова, П.Л. Карабущенко, А.В. Понделкова. – Ростов-н/Д. : Издательство ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ, 2016. – 576с.
19. Элитология культуры: российская культурная элита XX века. Энциклопедический словарь / Под редакцией проф. П.Л. Карабущенко. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2017. – 412 с.